

Пынина Татьяна Юрьевна

ИНФОРМАЦИОННО-ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ВОЙНА. ФОРМИРОВАНИЕ ТЕРМИНОВ

Статья раскрывает происхождение и содержание терминов "образ врага", "доктрина Брежнева", "права человека", "свобода и независимость средств массовой информации", появившихся в годы "Холодной войны" прежде всего в практике западных СМИ и "заимствованных" постепенно в ходе 80-х годов советскими средствами массовой информации. Основное внимание автор уделяет истории происхождения и использования этих терминов, являющихся инструментами информационно-психологической войны, в пропаганде, направленной на население Советского Союза, а затем и России, анализирует их психологическое воздействие на общество с целью "размывания" официальной идеологии и пропаганды, перереформирование его сознания и переориентирование на систему западных ценностей, политических и мировоззренческих стереотипов.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2015/8-2/42.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2015. № 8 (50): в 3-х ч. Ч. II. С. 153-156. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2015/8-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

УДК 1751

Филологические науки

Статья раскрывает происхождение и содержание терминов «образ врага», «доктрина Брежнева», «права человека», «свобода и независимость средств массовой информации», появившихся в годы «Холодной войны» прежде всего в практике западных СМИ и «заимствованных» постепенно в ходе 80-х годов советскими средствами массовой информации. Основное внимание автор уделяет истории происхождения и использования этих терминов, являющихся инструментами информационно-психологической войны, в пропаганде, направленной на население Советского Союза, а затем и России, анализирует их психологическое воздействие на общество с целью «размывания» официальной идеологии и пропаганды, переформатирование его сознания и переориентирование на систему западных ценностей, политических и мировоззренческих стереотипов.

Ключевые слова и фразы: информационно-психологическая война; холодная война; «образ врага»; «доктрина Брежнева»; «права человека»; «свобода и независимость средств массовой информации».

Пынина Татьяна Юрьевна, к. филол. н.
Российский университет дружбы народов
tanyu@inbox.ru

ИНФОРМАЦИОННО-ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ВОЙНА. ФОРМИРОВАНИЕ ТЕРМИНОВ[©]

Стремительные перемены в глобальной политике подвели черту под послевоенным мироустройством, основанном на Ялтинских соглашениях 1945 года, дополненных Заключительным Актом общеевропейского совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе, подписанным в Хельсинки в 1975 году. Сегодня Транснациональные корпорации (ТНК), международные финансовые и медийные структуры выступают локомотивом процесса глобализации, нового передела мира как в смысле политическом, так и в экономическом. Подобное прогнозировал «Римский клуб» еще в 80-х годах, утверждая, что в 21-м веке ТНК будут наиболее влиятельной силой в мире. В этих условиях представляется во многом утратившей актуальность система политической терминологии, описывавшая и объяснявшая содержание, события и динамику международной политики в последней трети 20 века. Если проанализировать терминологический инструментарий многих современных политологов, центров изучения и анализа политики, информационную практику ведущих российских СМИ, приходится сделать вывод о том, что они во многом базируются на представлениях, доставшихся от марксистской науки. Одновременно этот инструментарий включает и обширный массив понятий, терминов, заимствованных из практики иностранных, прежде всего западных, институтов, начиная от разработок «мозговых трестов» типа «Херитидж Фаундейшн», корпорация «Рэнд», кончая фундаментальными наработками, совершенными в рамках Гарвардского проекта, по ослаблению и демонтажу СССР времен Холодной войны. Ее опасность и вызовы недооценивались советскими партийно-политической элитой, пропагандистским аппаратом и СМИ. Представляется весьма точной идея, сформулированная историком С. Г. Кара-Мурзой: «Главные технологии “Холодной войны”, – отмечает этот автор, – лежат в информационно-психологической сфере. Сам по себе тот факт, что множество людей “не замечали” этой войны, есть результат эффективного психологического воздействия и признак ненормальности общества. Частично это было вызвано тем, что советская печать искажала образ “Холодной войны”, многократно понижала опасность» [3, с. 251]. Возвращаясь к вопросу заимствования западного терминологического ряда в политологии и информации, необходимо подчеркнуть, что, прежде всего, речь идет о таких устойчивых клишированных понятиях, как «формирование и поддержание образа врага», «права человека», «доктрина Брежнева», «свобода и независимость средств массовой информации».

«Доктрина Брежнева». Это определение появилось в западных СМИ и политической лексике после ввода войск СССР и ряда стран Варшавского договора в Чехословакию в августе 1968 года. Подразумевалось, что на основе чехословацкого опыта, где под угрозой оказалась социалистическая система, Советский Союз утвердил доктринальную внешнеполитическую концепцию так называемого «ограниченного суверенитета» применительно к «братским» странам. Ее суть, как поясняла западная пропаганда, в том, что «Москва готова без колебаний применять силу» в случае, если в той или иной стране социализма возникает угроза стабильности политической системы, чреватой ее выходом из зоны влияния Советского Союза. «Доктрина Брежнева», начиная с названия и заканчивая своим содержанием, резко отличалась от пропагандистского продукта, создаваемого усилиями ЦК КПСС и подведомственных ему научных центров. А сам анализ советской внешнеполитической практики времен событий в ЧССР (1968 г.) и ПНР (1980 г.), политики руководителей СССР в отношении кризисных явлений в этих странах, входивших в состав СЭВ и Варшавского договора, позволяет говорить, напротив, о «реактивности» действий советской стороны, но не о заранее продуманной и выстроенной линии поведения в кризисных ситуациях. В данном контексте представляется характерным и типичным образцом политической ментальности советского руководства, а также методики реагирования на опасности выступление Генерального секретаря ЦК КПСС Л. И. Брежнева на 5-м съезде ПОРП. Его можно рассматривать как установочное для братских партий и сконцентрировавшее в себе первые обобщающие выводы из событий в Чехословакии. В частности, Л. И. Брежнев заявил: «Советский Союз немало сделал для реального

укрепления суверенитета, самостоятельности социалистических стран. КПСС всегда выступала за то, чтобы каждая социалистическая страна определяла конкретные формы своего развития по пути социализма, с учетом специфики своих национальных условий. Но известно, товарищи, что существуют и общие закономерности социалистического строительства, отступление от которых могло бы повести к отступлению от социализма как от такового. И когда внутренние и внешние силы, враждебные социализму, пытаются повернуть развитие какой-либо социалистической страны в направлении реставрации капиталистических порядков, когда возникает угроза делу социализма в этой стране, угроза безопасности социалистического сотрудничества в целом – это уже становится не только проблемой народа данной страны, но и общей проблемой, заботой всех социалистических стран» [2, с. 329]. Из этого установочного заявления т.н. «Доктрина Брежнева» никак не вытекает. Упомянутая «реактивность» действий советского руководства на события в той или иной социалистической стране практически всегда была синонимична крайне медленному реагированию на них. Это неизменная черта поведения СССР в случае не только с Чехословакией 1968 года, но и в ситуации с венгерскими событиями 1956 года, а также процессами и последовавшими событиями в Польше, апофеозом которых оказался 1980 год. Чехословацкие события встревожили брежневское руководство только непосредственно в 1968 году. Между тем, как отмечает В. Бегун, их зарождение и подспудное развитие можно отнести еще к 1963 году. Именно с этого времени в Чехословакии использовались элементы тех политических технологий, которые к концу 20 века окончательно оформились и приняли законченную форму, получили отработанные методики, вошедшие в сегодняшнюю политическую практику под названием «оранжевые технологии». В частности, в ЧССР рядом оппозиционеров в государственных и партийных органах (ЦК КПЧ, ведущие СМИ, МВД) длительное время осуществлялась система мер по дискредитации социалистической идеи и дружбы с Советским Союзом в глазах общества и, прежде всего, молодого поколения [1, с. 47]. Похожим образом развивались события в ПНР во второй половине 1970-х годов. И в этой ситуации советское партийно-политическое руководство реагировало на развитие обстановки с большим опозданием, как правило тогда, когда фазы кризиса приобретали практически необратимый характер. А ведь «приписанная» СССР «доктрина Брежнева», по логике авторов этого понятия, должна была бы побуждать СССР действовать так, как действуют сегодня в мире США, без промедления начиная интервенцию против стран с неугодными политическими режимами. Цель политической операции по «оснащению» внешней политики СССР «доктриной Брежнева» заключалась в формировании в международном общественном мнении образа СССР как системного агрессора и демонизации его политики. Авторы «доктрины Брежнева» сами понимали ее искусственность. Один из «отцов» Холодной войны, директор группы планирования Госдепартамента США Джордж Кеннан признавал: «Для всех, кто имел хоть какое-то, даже рудиментарное представление о России того времени, совершенно ясно, что советские руководители не имели ни малейшего намерения распространять свои идеалы с помощью военных действий своих вооруженных сил через внешние границы... это не соответствовало ни марксистской доктрине, ни жизненной потребности русских» [6].

«Образ врага». Этот термин был введен в оборот советской информационно-политической лексики в середине периода перестройки Горбачева. Он может служить примером того, как информационно-пропагандистские категории главного противника СССР за короткое время в самом Советском Союзе стали «своими». «Перестройка» нанесла смертельный удар по политическим взглядам советской системы, основанной на марксистско-ленинском мировоззрении. Одним из важнейших ее аспектов, применительно к политической пропаганде и контрпропаганде, осуществлявшейся через СМИ, был тезис о разоблачении пороков капиталистического общества – социальной несправедливости, эксплуатации человека, стремления империализма к развязыванию войн, захвата чужих территорий и богатств. В годы перестройки произошел пересмотр политических доктрин, взглядов, который коснулся только одной стороны в соперничестве двух систем – советской. Теперь уже обличения капитализма «проводились» по параграфу «создание образа врага». А с позиций «нового мышления» этот термин к 1988 году превратился в нечто большее – в его мировоззренческую категорию. Широчайшее использование термина «образ врага» было равнозначно смертельному удару по всей системе советских политико-идеологических ценностей. Оно послужило дезориентации советского общественного мнения и впоследствии общественного мнения постсоветской России относительно подлинных целей политики Соединенных Штатов в отношении нашей страны. А их квинтэссенцией могут быть слова, высказанные одним из участников совещания промышленных магнатов Соединенных Штатов в 1961 году: «Россия – деспотия, примитивная, мерзкая и хищная, воздвигнутая на пирамиде человеческих костей, умелая лишь в своей наглости и терроризме... США должны получить неограниченное право для контроля за промышленными предприятиями других стран, способными производить оружие, и разместить свои лучшие атомные бомбы во всех регионах мира, где есть хоть какие-то основания подозревать уклонения от такого контроля или заговор против этого порядка» [5]. Таким образом, анализ введения в оборот языка СМИ и в политическую лексику понятия «образ врага» позволяет сделать вывод о долгосрочном характере этой «инициативы», рассчитанной на позитивное восприятие самого цивилизационного понятия «Запад». Тем самым в преддверии радикальных перемен в жизни постсоветской России, связанных с приватизацией государственной собственности, втягиванием страны в систему западной экономики, перекачкой сырьевых и финансовых ресурсов в западную экономику, разрушенный «образ врага» почти автоматически конвертировался в «образ друга».

«Права человека». Это – усеченная формула политического клише времен Великой Французской революции 18-го века: «права человека и гражданина». В период Холодной войны этот термин выполнял одновременно две функции. Первая – пропагандистская, рассчитанная на советскую аудиторию из числа регулярных слушателей радиостанций «Голос Америки», «Свобода», «Свободная Европа», «Би-би-си». Постоянное и многолетнее использование формулы и термина «права человека» серьезно ослабляло принятые

в СССР представления о «правах трудящихся» и фиксировало внимание аудитории исключительно на «проблемных» группах советского общества, состоявших из представителей диссидентов и части интеллигенции, занимавшихся оппозиционной деятельностью. К середине 80-х годов и началу перестройки в Советском Союзе «права человека» как понятие и политическая категория были полностью легализованы, восприняты как правовая и общегуманитарная норма, имеющая «естественный» характер, значимая для жизни общества и в конечном счете полностью заменившая собою советское понимание прав трудящихся (применительно к советскому мироустройству – социальные гарантии, отсутствие безработицы, обязательное трудоустройство; применительно к капиталистическому обществу – борьба против эксплуатации человека, отпущение и абсолютного обнищания масс, безработицы, за обеспечение минимальных прав трудящихся, включая здравоохранение, пенсию, пособие по безработице и т.д.). Вторая функция формулы и термина «права человека» реализовывалась на ведущих международных политических площадках: в ООН и ее системных организациях, различных форумах. Она претендовала на универсальное значение для любого общества и общественно-политической системы. Принятием и признанием термина и формулы «права человека» в Хельсинки в 1975-м году в качестве базового и актуального для политической практики СССР сам себе нанес большой политический ущерб. В годы перестройки, по мере постепенного демонтажа советской идеологической системы, «права человека» сыграли беспрецедентную роль в либерализации общества в СССР по западному образцу, способствуя его разрушению.

«Свобода и независимость средств массовой информации». Эффективность пропагандистского использования формулы «свобода и независимость СМИ» состояла, прежде всего, в том, что она воздействовала на обыденное сознание населения советского блока. Советская система так и не смогла вплоть до краха СССР найти действенные контрмеры, не пытаясь конвертировать теоретическую марксистскую фразеологию в доступные, понятные и эффективные формы контрпропаганды. При всей справедливости тезиса о зависимости ведущих западных СМИ от их хозяев – крупного капитала, правительства, политической системы наших оппонентов – она так и не смогла найти внятного ответа на, в целом, несложные «обвинения». Вторым важным элементом этой пропаганды, вызывающим доверие, было информирование советской аудитории о тех событиях, происшествиях, политических коллизиях в самом СССР, о которых не говорили и не писали отечественные СМИ. Все это многократно усиливало доверие к информации, идущей «оттуда». Добровольными распространителями и носителями этой информации внутри СССР были обычные советские граждане, слушавшие все эти подробности по упомянутым выше радиостанциям и пересказывавшие их в своей среде общения. Это многократно усиливало информационно-пропагандистское воздействие на наше общество. Итогом такого воздействия стала уверенность значительной части населения Советского Союза в достоверности, правдивости и независимости СМИ противников нашей страны. Важно подчеркнуть, что в 80-е годы советское общество больше доверяло независимому характеру и свободе западных СМИ, чем значительная часть западной аудитории собственным масс-медиа. Причина такого положения, прежде всего, связана с ухудшением экономического положения в некоторых странах Запада, в частности, в Великобритании времен премьер-министра М. Тэтчер. Хозяева и кураторы ведущих медиа зафиксировали резкое снижение уровня доверия к прессе. Выход тогда был найден в создании новых средств массовой информации, которые были объединены словом «независимые» в своих названиях. В частности, этим обстоятельствам обязаны своим рождением британская газета «Индепендент», ряд телеканалов.

За последнее десятилетие отношения России с Западом постоянно ухудшались. «Свободные и независимые СМИ» наших партнеров или геополитических противников приступили к планомерной и долгосрочной диффамации Российской Федерации и ее политического руководства. Однако развитие демократии в стране и расширение пределов допустимого для наших СМИ по сравнению с советским периодом уже не позволяли использовать старые опробованные приемы информационной борьбы (после 1991 года обыденным явлением стали газеты, журналы, телевизионные программы, в которых в сатирическом или карикатурном виде показывались власти, звучала и серьезная резкая критика руководства страны). На фоне меняющейся политики США в отношении России, основным содержанием которой стало стремление не допустить укрепления суверенитета страны, организация «оранжевых революций» на территориях соседей – бывших республик СССР, а, кроме того, попытки прямого воздействия на внутреннюю ситуацию с помощью «оранжевых технологий», информационная повестка одновременно со стандартным «меню» «глобальных СМИ» очевидно превратилась в однообразно антироссийскую. Одновременно с этим ситуацию для них усугубило появление на Западе людей (Д. Ассандж, У. Ульфкотте), которые вскрыли технологию формирования стандартной политической повестки «глобальных СМИ» и их работы. Так, немецкий журналист У. Ульфкотте – редактор ведущей германской газеты «Франкфуртер Альгемайне Цайтунг» с 1986 по 2003 годы – выпустил в 2015 году сенсационную книгу, в которой показал, как осуществляется тотальный контроль над «четвертой властью» со стороны трансатлантических органов «мирового правительства», банков, корпораций, сильнейших разведок мира, превративший ее фактически во всемирную политическую «пятую колонну» [4]. Социологические исследования российской информационной аудитории за последние два года показывают резкое падение ее доверия к западным и, в первую очередь, «глобальным СМИ». Показательно, что в этой новой информационной реальности представления о свободе и независимости западных СМИ, правах человека практически полностью девальвировались.

Сегодня, в условиях новых информационно-психологических войн, как никогда велика потребность в скорейшей выработке и оформлении системы нового информационно-политического лексикона, смыслового ряда терминов, позволяющих точно и исчерпывающе описывать особенности текущего и перспективного этапов мировой политики, действия и интересы основных игроков глобальной политической сцены, начиная с России и заканчивая нашими геополитическими противниками.

Список литературы

1. Бегун В. Я. Ползучая контрреволюция. М.: Политиздат, 1976. 192 с.
2. Брежнев Л. И. Ленинским курсом: в 9-ти т. М.: Изд-во политической литературы, 1970. Т. 2. 523 с.
3. Кара-Мурза С. Г. Советская цивилизация. М.: Алгоритм; Эксмо, 2004. Книга вторая. От Великой Победы до наших дней. 768 с.
4. Ульфкотте Удо. Продажные журналисты. Любая правда за ваши деньги / пер. с нем. М.: Эксмо, 2015. 480 с.
5. Fleming D. F. The Cold War and its Origins, 1917-1960. London, 1961. Vol. 1. 644 p.
6. Kennan G. F. Peaceful Coexistence. A Western View // Foreign Affairs. 1960. Vol. I. P. 36- 37.

INFORMATION-PSYCHOLOGICAL WAR. FORMATION OF TERMS

Pynina Tat'yana Yur'evna, Ph. D. in Philology
Peoples' Friendship University of Russia
tanyi@inbox.ru

The article reveals the origin and content of the terms “enemy image”, “Brezhnev’s doctrine”, “human rights”, “freedom and independence of the media”, which appeared during the “Cold War” especially in the practice of the Western media and “borrowed” gradually by the Soviet media in the course of the 80s. The author pays special attention to the history of the origin and use of these terms as a tool of information-psychological war, and propaganda aimed at the population of the Soviet Union, and then Russia; analyzes their psychological impact on the society with the aim of “washing out” of the official ideology and propaganda, reformatting its consciousness and reorientation on the system of the Western values, political and world outlook stereotypes.

Key words and phrases: information-psychological war; Cold War; “enemy image”; “Brezhnev’s doctrine”; human rights; “freedom and independence of the media”.

УДК 81.42

Филологические науки

Целью статьи автор видит рассмотрение актуальных подходов классификации публицистических жанров ведущих отечественных и зарубежных исследователей и определение места литературно-критических жанров в данных типологиях. Было выявлено, что во всех рассматриваемых типологиях отдельное место отводится литературно-критическим текстам. Палитра литературно-критических жанров существенно расширилась за последнее время, что свидетельствует о новом этапе развития литературной критики в СМИ.

Ключевые слова и фразы: типология жанров СМИ; публицистический жанр; классификация публицистических текстов; публицистический текст; литературно-критический жанр.

Садовская Елена Сергеевна

Санкт-Петербургский государственный университет
sadowski.elena@gmail.com

ТИПОЛОГИЯ ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИХ ЖАНРОВ И ЛИТЕРАТУРНО-КРИТИЧЕСКИЕ ТЕКСТЫ[©]

В разработке проблем понятия жанра, жанровой типологии и дифференцирующих признаков существует несколько подходов. В отечественной школе журналистики основное направление базируется на ряде положений, принятых еще в 70-е годы XX века. Советские исследователи рассматривали жанры как «устойчивые формы действительности, обладающие повторяющимися сущностными и структурными признаками» [1, с. 7]. В рамках данного подхода жанры различались: *по характеру объекта* (в качестве объекта для большинства публикаций выступали факты как непосредственные события действительности и объекты отраженной действительности в жанрах литературной, театральной, кино-рецензиях); *по их конкретному назначению*, т.е. ориентируясь на определенную творческую задачу, которую необходимо решить журналисту в своем выступлении; *по масштабу охвата действительности*, т.е. по широте освещения действительности и соответствующему масштабу выводов и обобщений; *по характеру литературно-стилистических средств*, по способам отражения действительности. В 80-90-е годы XX в. эта концепция оставалась без изменений (см. работы В. Д. Пельта, Б. В. Стрельцова).

Оригинальный подход к классификации публицистических жанров был предложен профессором МГУ Е. И. Прониным. Исследователь создал развернутую типологическую модель журналистских жанров, сопоставив их по двум параметрам: *по предметному подходу к отображению реального процесса социальной практики* (реалии, позиции, абсурды, шедевры, мнения, контакты, решения, эффекты) и *по уровню осмысления предмета отображения* (оповещение, ориентирование, коррекция, символизация) [7, с. 49-51]. Несмотря на то, что при таком подходе удалось установить соответствия между жанрами разного объема и с разной целевой установкой, данная концепция не получила широкого распространения.

В дальнейшем были выведены и унифицированы признаки, на которых базируется публицистический жанр – это *предмет отображения, целевая установка и методы исследования предмета*. В соответствии с этими признаками теоретики журналистики М. Н. Ким и А. А. Тертычный осуществляют функциональное